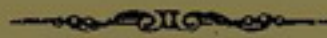

9(с) чрк
63.0 (чрк)
к-38

К І Е В Ъ

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной.

Батюшковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюльвича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1893.

63.3 (ч. 4) КОРОТКА ПАСОРТ КНИГИ

Бібл. № 9/с/чкр К-38 Інд. № 3166

Автор _____

Назва Жиев

Місце, рік видання СПБ, 1893

Кіл-ть стор. 230,

- " - окр. листів _____

- " - Ілюстрація _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ частина _____ вип. _____

Конволют _____

Примітка: Документ перевірено
в 2005р.

ДАТА 3.09.09

Підпис [підпис]

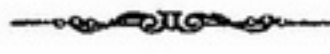
3(с)У

Н. 33
Ш. 19

Handwritten notes and scribbles at the top right of the page.

К І Е В Ъ

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной.
Батюшковъ.

✓
✓
✓
ПРОВЕРЕНО
1951

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

Орловъ Александръ
Область Библиотека
И. М. Г. К. К. К.
И Т А Д Е Р Я

Handwritten marks and scribbles at the bottom left of the page.

63.34502 4K1

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 16 ноября 1893 г.

АННЪ АЛЕКСѢЕВНЪ

ЩЕРЕМЕТОВОЙ.

Былъ ясныйъ веселнй вечеръ, когда поѣздъ нашъ тихо подходилъ къ Кіеву. Легко катился онъ по пизменнымъ берегамъ Заднѣпровья, начиная отъ Броваровъ; еще тише скользилъ онъ по великолѣпному Днѣпровскому мосту и передъ нами открывалась чудная картина. Въ сумерки главы соборовъ и колокольня Великой церкви Печерской отдѣлялись на чистомъ небѣ. На обрывѣ, „къ небесамъ парящій“, высился храмъ Андрея Первозваннаго. Съ другого конца—вся въ зелени, обитель Выдубицкая, со своими голубыми главами въ золотистыхъ звѣздахъ. На крутомъ берегу рѣки красуется городъ въ безчисленныхъ огняхъ... Медленно вступаетъ поѣздъ въ лощину, отдѣляющую Лысую гору отъ Кіева. Уступами застроены небольшіе домики съ садами и виноградниками,

всюду въ окнахъ мелькають огни. Вокругъ всё мирно и тихо —

И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о, Днѣпръ, волнами вѣковыми!..

Раннее утро. Въ гостиницѣ всѣ еще спятъ. На Крещатикѣ пусто, лавки всѣ заперты. Свѣжій утренній воздухъ дѣйствуетъ живоительно. Мы ѣдемъ въ Печерскую Лавру, шагомъ подымаясь въ гору, мимо дворца и садовъ, чрезъ крѣпостной гласисъ и ворота. Передъ нами Днѣпръ и все Заднѣпровье въ утреннемъ туманѣ. Проѣзжаемъ чрезъ стѣны мрачной крѣпости и останавливаемся у вратъ Лавры; вдоль низкихъ каменныхъ келій растутъ пирамидальныя тополи. У вратъ Великой церкви мѣдная доска съ надписью. Это могила Натальи Долгорукой. Тутъ-же и другое надгробіе:

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Лицы здѣ естесмо положени сущи.
Понеже намъ страсть и смерть повели молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испыймо чашу,

Злудавіемъ Мазены, всевѣчно правы,
Посѣченны zostавше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычицѣ,
Подающей всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

„Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ Полтавскій“.

Мы торопимся въ ближнія пещеры и вступаемъ во врата, за которыми безконечная деревянная лѣстница спускается къ Днѣпру. Вдоль стѣнъ этой крытой съ уступами лѣстницы стоятъ калики и странники—бродячая Русь. „Подайте убогому темпому человѣку!“ Слышны несвязные возгласы косноязычныхъ и гугнивыхъ, безрукихъ и безпогихъ и однообразное чтеніе псалтыря сѣдящихъ на ступеняхъ стариковъ... И всѣ эти нестройные звуки просящихъ „милостыни спасенныя“ сопровождаютъ васъ во весь путь, пока вы спускаетесь къ преддверію ближнихъ пещеръ, а тутъ кладбище и нѣтъ конца могиламъ, и свѣжая зелень кругомъ.

У входа въ пещеры—лавка. Покупаютъ

свѣчи, книжечки, сундики, на стѣнахъ па-
клеены листки, лубочныя картинки, слово Зла-
тоуста и необычныя сѣмволическія изображе-
нія...

Со свѣчею въ рукахъ вы спускаетесь въ
подземелье: первое впечатлѣніе—недоумѣнія и
опасенія, что все поросло здѣсь мерзостью запу-
стѣнія; пути расходятся подобно лабиринту...
Вы поражены сухостью стѣпъ и чистымъ возду-
хомъ, какъ бы глубоко ни заходили вы въ пе-
щеры. Монахъ проводитъ васъ до входа въ пе-
щерную церковь. Служба началась. Церковь вы-
сѣчена въ скалѣ; самородные своды поддержи-
ваются для вида двумя колоннами. Иконостасъ
небольшой. Служить старикъ іеромонахъ и на-
клиросѣ чловѣка четыре... У самаго входа въ
церковь справа рака, надъ которою горитъ
лампада... „Св. Антоній Печерскій“,—говоритъ
монахъ. Это онъ основатель великаго бого-
моля Печерскаго, тотъ „худородный и уни-
чиженный міра“, котораго, по слову апостоль-
скому, „избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая“.

Впечатлѣніе этой первой обѣдни въ пе-

щерѣ св. Антонія передать невозможно. На отпускѣ необычнымъ вамъ кажется конецъ: „молитвами свв. Антонія и Θεодосія и всѣхъ преподобныхъ Печерскихъ, помилуй насъ. Аминь“.

Продолжаемъ обходъ пещеръ; до насъ доносятся звуки отдаленнаго пѣнія, это начинается обѣдня въ другой пещерной церкви. Мысленно представляешь себѣ древній Римъ и первый вѣкъ мучениковъ—подземную церковь христіанскую. Медленно подвигаемся по извилистымъ ходамъ: въ простыхъ деревянныхъ рамкахъ почиваютъ угодники, покрытые схимой... Однообразно повторяетъ монахъ давно заученныя имена: „Преподобный Алимцій иконописецъ... Преподобный Илья Муромецъ ...Несторъ пекнижский, св. Никѡла Святоша, князь Черниговскій, св. Іоаннъ Многострадальный... Преп. Несторъ Лѣтописецъ“ ... И долго еще звучатъ въ ушахъ протяжные возгласы монаха и вы охвачены обиліемъ и силою впечатлѣній...

Но возможно-ли здѣсь *равнодушіе*? Вѣдь мы знаемъ, что здѣсь, что въ этихъ пеще-

рахъ они жили, подвижники Печерскіе, что этотъ подземный міръ, подобно подземному Риму, озарилъ свѣтомъ истиннымъ Землю Русскую, и развѣ этого мало, чтобы съ чувствомъ благоговѣнія подходить къ этимъ пещерамъ, свидѣтелямъ ихъ подвиговъ терпѣнія и страданій! Кто дерзнетъ порвать эту связь вѣковъ, кто остановитъ эти волны богомольцевъ со всѣхъ концовъ необъятной Россіи—и что дадутъ намъ взамѣнъ этой святости? Свое ученіе и свою гордыню? Но духъ гордыни безплоденъ. Изъ мрака пещеръ росла духовная сила не та ли, о которой говоритъ Илья Муромецъ:

Много-ли Илья чувствуешь въ себѣ силушки?
Отъ земли столбъ былъ бы до небушка,
Бо столбу было бы золото кольцо
За кольцо бы взялъ—Святорусску поворотилъ!

Мы вышли изъ пещеръ на свѣжій воздухъ. Солнце чудно сіяло. Прошли мы въ домикъ графини А. А. Орловой-Чесменской, въ которомъ жилъ и скончался о. Пареній. Крутые берега Днѣпра покрыты зеленью. Все въ этомъ домѣ

еще полно воспоминаній о старцѣ Пароеніѣ, о загадочной строительницѣ этого убѣжища.

Уступами спускается деревянная лѣстница въ оврагъ мимо колодца чистѣйшей воды. Кругомъ деревья и роскошная зелень. Причудливо поднимаются ступени по другой сторонѣ оврага, по направленію къ дальнимъ пещерамъ, а за ними еще пещеры — Варяжскія, и нѣтъ конца подземнымъ ходамъ, еще неизслѣдованнымъ.

Въ Великой церкви поздняя обѣдня служится продолжительно. Протяженъ напѣвъ Кіевскій „пѣсни протяженно сложенныя“, но онъ имѣетъ свой опредѣленный отпечатокъ. Здѣсь подъ спудомъ мощи св. Θεодосія Печерскаго. „Въ лѣто 6582“ — говоритъ Лѣтописецъ — „Θеодосій, игумень Печерскій, преставися... И шестому дни паставшу, болну сущу велми, прииде къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема у него, рече ему Θεодосій: Се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду... Князь же цѣ-

ловавъ его, и обѣщася пещися монастыремъ“.

Къ концу службы спускаютъ передъ царскими дверьми икону Успенія. Напрасно смущаются этимъ обычаемъ, видя въ немъ чужое вѣяніе. Обычай давній и съ нимъ уже сжились многія поколѣнія. На иконѣ много драгоцѣнныхъ кампей; изъ нихъ нѣкоторые пожертвованы моею матерью.

Въ Ризницѣ большія богатства, но доселѣ имъ нѣтъ достойнаго описанія. Они не изданы, подобно Древностямъ Патриаршей Ризницы въ Москвѣ. Помню, какъ подробно разсматривали мы эти сокровища вмѣстѣ съ графомъ А. В. Бобринскимъ. Показывалъ намъ представительный отецъ еkkлесіархъ. Здѣсь хранятся пожертвованія Цаталыи Борисовны, ея икона Ахтырской Божіей Матери, дарохранительница ея брата Сергія Борисовича. Графъ Бобринскій отыскалъ могилу своей родственницы Соковпиной на дворѣ лаврскомъ. Она была монахиней Фроловскаго монастыря одновременно съ Натальей Долго-рукой.

Помню теплый, тихій вечеръ. Мы въѣзжаемъ въ тѣнистую, густую аллею по пути къ Китаевой пустыни. Деревья съ двухъ сторонъгибаются надъ дорогой, образуя густую тѣнь. Послѣ знойнаго дня легко дышать въ этомъ затишьѣ. У Китаевой пустыни большая пасѣка. Помню восторгъ всегда сдержаннаго П. И. Солдаткина. Мы остановились у пасѣки и спросили молока. Начиная смеркаться, небо чистое и высыпали звѣзды. Мы поѣхали въ Голосѣевку, гдѣ лѣтомъ уединенно живетъ митрополитъ. Это чудный безконечный садъ. Дорога гладкая и ровная. Когда мы въѣхали въ Голосѣевскія рощи, показался мѣсяць. Миновали домикъ митрополита; онъ утопалъ въ зелени, кругомъ цвѣты и фруктовые сады безъ конца, и все залито луннымъ свѣтомъ и воздухъ благоуханный и чистый и тишь кругомъ... Тайноженно ложились тѣни старыхъ липъ и цвѣтущихъ кустовъ акацій; мы вышли изъ экипажей и пошли по извилистымъ дорожкамъ фруктоваго сада; почъ была рѣдкая. На темномъ синемъ небѣ полная луна; стожары съ

миріадами звѣздъ горѣли необыкновеннымъ блескомъ... Ни одной живой души... Мы прошли по безконечнымъ теряющимся дорожкамъ, среди двойнаго ряда цвѣтущихъ вишень и яблонь... Не хотѣлось проронить слова, чтобы не разрушить очарованія...

Тѣмъ же путемъ вернулись мы въ Кіевъ— но не забыть никогда этой ночи въ Голосѣевкѣ.

Припоминаю другую прогулку. Впечатлѣніе не менѣе сильное. Мы ѣхали по окрестностямъ Кіева. Давно уже за нами осталась мѣстность, именуемая „Кинь-грусть“. Мы въѣжаемъ въ сосновый боръ по пути къ Вышгороду. Насъ обдаетъ смолистый, здоровый запахъ. Дорога идетъ извилинами. Прямая, какъ мачты, деревья казались еще величественнѣе при освѣщеніи догорающей зари. Было слишкомъ хорошо, и мы рѣшились продолжать нашъ путь пѣшкомъ, направляясь къ опушкѣ лѣса. На встрѣчу попадались мужики и бабы, выразительный малороссійскій говоръ и красивый нарядъ придавали имъ особый отпечатокъ. Когда мы вышли изъ лѣсу, то очутились передъ высокой земля-

ной насыпью, около которой стояла церковь...
Еще шагъ и передъ нами Днѣпръ.

Это Вышгородъ, когда-то *Ольгинъ градъ*. Теперь все пустынно и дико вокругъ, только земляные валы гласятъ о прежней славѣ. Въ близкомъ разстояніи отъ Вышгорода, въ вечернемъ сумракѣ виднѣлся монастырь Межигорскій, имѣвшій нѣкогда своимъ приходомъ Сѣчь Запорожскую.

Долго не могли мы оторваться отъ береговъ Днѣпра. Не помню, какъ и когда мы вернулись съ этой прогулки

.

Златоверхій Михайловскій Монастырь. Здѣсь покоятся мощи Великомученицы Варвары. Къ сожалѣнію нужно сознаться, что впечатлѣніе этого монастыря осталось не вполне благопріятное. Мощи Великомученицы Варвары на мой взглядъ не на подобающемъ мѣстѣ, а на возвышеніи посреди церкви. Порядка и благочинія мало. Движеніе и суета вокругъ раки производятъ странное впечатлѣніе, и невольно вспомнишь Евангельское изрѣченіе: „Храмъ мой храмъ молитвы наречется“...

Отсюда недалеко до городского сада съ памятникомъ Св. Владиміра на крутомъ обрывѣ Днѣпра. Внизу Почайпа и крещальня Владиміра... „Въ лѣто 6496 крестися Володимеръ и вся земля русская“ — говоритъ лѣтописецъ. „Изиде Володимеръ съ поны царицины и съ Корсуньскими на Днѣпръ, и спидеся бесъ числа людій: влѣзоша въ воду, и стояху овы до шіе, а друзіи до персій, младенци же отъ берега, друзіи же младенци держанце, свершеніи же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И быше си видѣти радость на небеси и на земли“. Такъ гласить лѣтописецъ, а книга Голубиная поеть:

Да Божьей книги оць доступается,
Передъ нимъ книга разгибается,
Все Божественное писаніе ему объявляется.

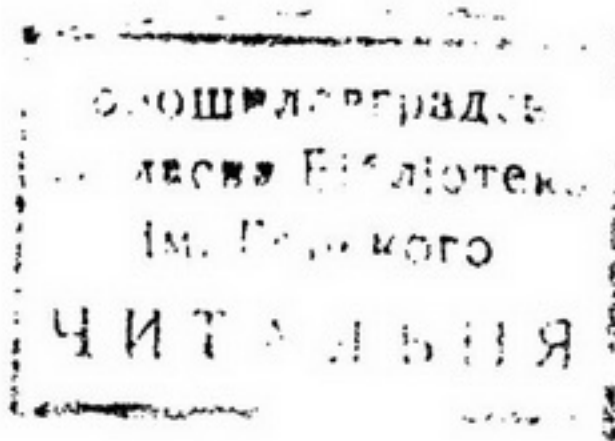
Съ высоты памятника открывается широкій видъ. У вапихъ ногъ Подоль, кипящій жизнью съ бѣлыми зданіями Братскаго монастыря и обители Фроловской. Днѣпръ и безконечныя равнины Заднѣпровья освѣщены яркими, ослѣпительными лучами солнца.

Были мы въ Подолѣ, во Фроловскомъ монастырѣ. Здѣсь я искалъ слѣдовъ схимонахини Нектаріи, но напрасно. Въ церкви службы не было, мы застали монахинь расположившихся на соборномъ полу. При видѣ посѣтителей онѣ встрепенулись и тотчасъ же довольно развязно стали подходить за сборомъ... Кого ни спросишь о Натальи Долгорукой, никто не отвѣчаетъ, и только глядятъ на васъ съ недоумѣніемъ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвелъ Братскій монастырь своими прекрасными зданіями и тѣнистыми деревьями вокругъ собора, и преданіемъ Кіевской Академіи, и портретной галереи Архіереевъ... Здѣсь еще живо окруженное блескомъ имя Мазепы.

Въ центрѣ Стараго Кремля Десятинный Соборъ съ своими гробницами. Здѣсь все ново, здапіе самой тяжелой архитектуры, вполнѣ чуждой. Въ двухъ шагахъ отъ него Софійскій Соборъ. Внѣшній видъ его обезображенъ пристройками и несвойственными куполами, но стѣдуетъ только войти въ него и впечатлѣніе

1910

рѣзко мѣняется. Что вамъ до того, что иконостасъ прошлаго вѣка, все исчезаетъ передъ величіемъ и красотою храма. Здѣсь все дышетъ Византіей. На всю жизнь запечатлѣется алтарное изображеніе мусійскаго дѣла, символическій образъ, извѣстный подъ названіемъ „Нерушимая Стѣна“. Строгіе своды и переходы верхнихъ галлерей, стѣнныя изображенія, мусія и фрески Кіевской Руси переносятъ васъ живьемъ во времена стародавнія „отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ наполнился ратнаго духа, наведе своя храбрія полки на землю Половецкую за емлю Русскую“.

Живѣе и тѣснѣе, чѣмъ когда либо чувствуется вѣковая связь съ Св. Софію Цареградскою, поразившей восторгомъ пословъ Владиміровыхъ.

„Пріидохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты така, и не доумѣемъ

бо сказати; токмо то вѣмы, яко ондѣ Богъ съ человекѣми пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя“.

Подъ сѣнію Св. Софіи Кіевской процвѣли тѣ „поборники Русской Земли, которые умѣли, сохраняя неприкосновенность единства церковнаго, отдѣлять вопросы церкви отъ народныхъ и мѣстныхъ отношеній“ *). „Здѣсь процвѣтали тѣ духовныя училища, которыя въ лѣтописномъ показаніи станутъ понятны, когда мы направимъ настойчивыя изслѣдованія на учрежденія и на состояніе подобныхъ же училищъ не только во всей Европѣ, но преимущественно въ Восточной Имперіи, въ вѣка Св. Владиміра“ **).

Благодаря обязательности Протоіерея Петра Гавриловича Лебедипцева, мы подробно и внимательно осмотрѣли Софійскій Соборъ. Закончили мы нашъ осмотръ соборомъ Андрея Первозваннаго. Это конечно не Византійскій храмъ,

*) Шевыревъ.

***) Кп. П. П. Вяземскій.

и близкое сосѣдство его съ Софіею также странно, какъ сближеніе Ярослава съ императрицей Елизаветой Петровной или зодчихъ Византіи съ графомъ Растрелли. Но несмотря на чуждые намъ образцы, нельзя не признать, что храмъ Андрея Первозваннаго — въ своемъ родѣ памятникъ художественный. Тѣмъ отраднѣе было на паперти, его окружающей, наслаждаться неподражаемой картиной и находиться тамъ, гдѣ

...на высотѣ обрыва

Прозрачный святозарный храмъ
Уходитъ высирь, очамъ на диво
Какъ бы парящій къ небесамъ,
Гдѣ первозваннаго Андрея
Еще по днесь сіяетъ крестъ,
На псбѣ Кіевскомъ бѣлѣя
Святой блюститель этихъ мѣсть.

Утомленные долгимъ осмотромъ, мы зашли въ сосѣдній съ Соборомъ опустѣлый садъ того, чей беспокойный духъ нашелъ себѣ вѣчное успокоеніе подъ сводами дорогого ему собора Андреевскаго. Домъ А. Н. Муравьева стоялъ заколоченный. Заброшенный садъ начиналъ сильно глохнуть... но быть можетъ, отъ того онъ казался еще лучше, еще очаровательнѣе.

Мы долго ходили по узкимъ тѣнистымъ дорожкамъ и съ уступовъ любовались несравненною картиною при свѣтѣ луны, въ тихую Украинскую почь...

Нѣтъ! не можетъ быть Кіевъ мертвымъ звукомъ для Русскаго человѣка. Какъ бы далеко не уносился пыливый духъ его въ трудахъ и изысканіяхъ

Про наше житіе про стародавнее,
Про наше житіе свѣту вольнаго,

не обойти ему Кіева; онъ вернется къ нему какъ источнику нашей духовной и исторической жизни... „Такъ иногда, чтобы ввести слушателей въ событія далекой старины пѣвецъ (былинъ) начинается съ предмета близкаго, во очію представляющагося. Такъ хочетъ онъ пѣть о пирахъ Князя Владиміра и начинается съ рѣки Волги и слѣдя за ея необъятнымъ теченіемъ, будто даетъ понятіе о теченіи самого времени, къ древнѣйшимъ истокамъ котораго онъ приглашаетъ своихъ слушателей“: *)

*) Буслаевъ.

Повышла, повыкатилась Волга матушка рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи
Рѣкъ набрала она—того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Кіевѣ.

...1877 годъ и начало войны тѣсно связаны въ памяти моей съ Кіевомъ. Здѣсь прожили мы нѣсколько дней до окончательнаго отъѣзда въ армію. Глубже и сильнѣе прежняго запечатлѣлась святыня Кіевская въ эту тревожную годину.

Не забыть мнѣ этихъ дней послѣдняго посѣщенія Лавры, послѣдней обѣдни въ Антоніевской пещерѣ.

Все здѣсь мнѣ стало вдвойнѣ и дорого и памятно, все даже до прощальнаго обѣда въ ресторанѣ Massiou, съ прислуживавшимъ старымъ лакеемъ, когда то знававшимъ меня въ дѣтствѣ въ Сокольникахъ. Онъ припомнилъ мнѣ давно заглухшее прошлое, погоню за попугаемъ въ Сокольницкой рощѣ и фейерверки на Шиповской дачѣ...

И это неожиданное отдаленное воспоминаніе дѣтства всплыло какъ-то странно и случайно въ

2100

такой знаменательный для меня день... И старикъ, ловко подавая кушанье съ сноровкой прежнихъ лѣтъ, пожелалъ мнѣ на прощанье всевозможныхъ благъ...

Въ тотъ же вечеръ отходъ поѣзда, проводы, на вокзалѣ необыкновенная толкотня и давка. Войска и множество отправляющихся въ походъ... Тѣспный запыленный вагонъ, послѣдній звонокъ, свистокъ локомотива — поѣздъ тронулся — и крестъ Печерской Лавры промелькнулъ въ послѣдній разъ.

.
Прошло шесть мѣсяцевъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга, въ декабрѣ мѣсяцѣ заѣхалъ я еще разъ въ Печерскую Лавру съ П. И. Солдаткинымъ — на пути въ Брестовець.

Война кончилась, и черезъ мѣсяць мы были уже дома.

Графъ Серій Шереметевъ.

Москва
21 марта 1889 г.

